

К ВОПРОСУ О РУССКО-УКРАИНСКОМ ДИАЛЕКТНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ В АМУРСКИХ ГОВОРАХ

Рассматривается вопрос о русско-украинском взаимодействии в говорах на территории Амурской области, которая в конце XIX – начале XX в. активно заселялась жителями европейской части России, Украины и Белоруссии. В результате анализа говоров ряда сел Амурской области, первопоселенцами которых были русские и украинцы, выявлены яркие фонетические, морфологические и лексические черты украинского происхождения, испытавшие влияние русских говоров, в контакте с которыми они находились, а также русского литературного языка.

Ключевые слова: территории позднего заселения; междиалектное взаимодействие; украинский язык; русский язык.

Значительную часть территории России занимают территории позднего заселения. К ним относят Сибирь и Дальний Восток. Одной из основных особенностей формирования диалектов на таких территориях является наличие условий для широкого развития междиалектных и межъязыковых контактов [1. С. 17]. Однако особенности развития и взаимодействия диалектов могут быть весьма различными, в зависимости от сложных условий их бытования и развития. К внеязыковым факторам, влияющим на формирование говора на таких территориях, можно отнести время переселения и его особенности; социально-исторические условия жизни носителей диалекта на новой территории, способствующие развитию языковых и, в частности, диалектных контактов или, наоборот, затрудняющие их (замкнутость группы, взаимоотношения носителей разных диалектов и языков и т.п.); общие условия экономической и культурной жизни контактирующих языковых или диалектных групп [Там же. С. 18].

Согласно классификации, предложенной Л.И. Бараниковой, выделяют следующие группы территорий позднего заселения в зависимости от времени их заселения, учитывая при этом особенности формирования и развития русского языка в целом, заселения новых территорий и условия их последующего развития:

1-я группа – территории, которые заселялись в XV–XVII вв., после образования русского языка в его донациональной форме. Особенности формирования говоров этих территорий связаны с «большой изначальной неоднородностью говоров, с наличием более интенсивных взаимовлияний разных диалектов и особенно других языков» [Там же. С. 19].

2-я группа – территории, заселенные в XVIII–XIX вв., в период после возникновения русского национального языка. Здесь не встречаются однородные диалектные массивы, а «если и встречаются, то обычно в них вкраплены отдельные островки говоров иного типа» [Там же].

3-я группа – территории, заселение которых произошло в конце XIX – начале XX в. «Здесь наблюдается особая пестрота диалектного состава и особый характер взаимоотношений между диалектами. Кратковременный период взаимодействия языков и диалектов, особенно интенсивное влияние национальной нормы, своеобразно сказывается на ходе развития диалектов данных территорий» [Там же. С. 20].

К территориям 3-го типа относятся и территории Дальнего Востока, в том числе и Амурская область,

крестьянское заселение которой происходило в конце XIX – начале XX в., когда сюда активно переселяли жителей европейской части России, Украины и Белоруссии. Приамурье можно отнести к той группе территорий позднего заселения, говор которых характеризуется пестротой и неоднородностью диалектного состава и при этом испытал сильное влияние русского литературного языка.

По рассказам деревенских старожилов, проживающих в селах Октябрьского района Амурской области, изначально большую часть населения там составляли украинцы, или хохлы: «Здесь одни хохлы. Они же по-хохловски говорят» [2]. Данное наименование не несет в себе отрицательную коннотацию, в нем заключается лишь противопоставление переселенцев с Украины тем, кто переселился из других мест: «Я хохлуша. Ну, так-то я пишу, шо я украинка. Но я ж не украинка, правильно! Я хохол»; «– А чем отличаются хохлы от украинцев?» «– Ну-у, украинец', вин вообще ж не так, украинец' вин вообще ж не так балака, как мы. У его там, знаешь, некоторые слова у их нэ поймэшь. А у нас... мы по хохлацки. <...> а я по-хохлацки, а дети вси по-русски. <...> А тутэ у Покровке щас, знаешь, шо, и хохол, хоть и хто, а ўси по-русски щас балакають» [2]. Из приведенных примеров видно, что диалектоносители осознают и свое языковое своеобразие. Свой язык они противопоставляют и украинскому, и русскому. Однако такое явление характерно только для людей старшего поколения, рожденных в 1920–1930 гг., в основном потомков переселенцев.

В центре нашего внимания оказались говоры нескольких сел Октябрьского района Амурской области, в которых проживает много потомков переселенцев из Украины: Николо-Александровка, Максимовка, Покровка, Песчаноозёрка. Украинцы переезжали сюда из Полтавской (большая часть переселенцев), Харьковской, Черниговской и Киевской губерний, на территории которых распространены украинские юго-восточные говоры и украинские говоры северного наречия [3. С. 44, 48, 105, 114, 119]. Необходимо отметить, что говоры южноукраинского наречия, преимущественно полтавско-киевские, легли в основу современного литературного украинского языка, в связи с этим в данных украинских говорах наблюдается значительная близость с литературной формой украинского языка [Там же. С. 33].

На слух диалектная речь в обследованных нами селах воспринимается как украинская. Для выявления ее

особенностей нами была создана галерея речевых портретов диалектоносителей [4, 5]. Речевое портретирование показало наличие специфических черт, выделяющихся на фоне диалектных, диалектно-просторечных особенностей русских говоров Приамурья и отличающих данные говоры от говоров с севернорусской основой, описанных, например, в «Словаре русских говоров Приамурья» [6. С. 4] и являющихся преобладающими, по мнению авторов словаря, на этой территории. Однако говоры с севернорусской основой преобладали по берегам Амура, где первопоселенцами были забайкальские казаки – носители севернорусского диалектного типа. В глубине же региона русские говоры отличались значительной пестротой с преобладанием южнорусского компонента. Начиная с 2000-х гг. этот факт стал объектом внимания исследователей. Так, в работах Е.А. Оглезневой, Н.Г. Архиповой, Г.М. Старьгиной рассматривались отдельные факты южнорусского, а также украинского и русского диалектного взаимодействия в русских говорах Приамурья в фольклоре, речи конкретных диалектоносителей, в том числе в лексике амурских старообрядцев [7–12].

Цель данной работы – попытаться идентифицировать по происхождению зафиксированные черты и определить языковую основу говоров обследованных сел Октябрьского района Амурской области.

Проанализируем систему данных говоров на разных уровнях. На фонетическом уровне одной из ярких особенностей обследованных говоров является различие фонем /a/ и /o/ в безударной позиции: *молотили, молотилкой, корова, конечно, родные, у кого, вывозили* (все примеры приводятся в русской графике). В некоторых случаях [o] произносится на месте литературного [a]: *омбар, росстрелили, розговаривали, оппенцицит*. Полное оканье – различие гласных /o/ и /a/ после твердых согласных во всех безударных слогах – наиболее характерная черта северного наречия [13. С. 34]. Данная особенность характерна и для украинского языка и некоторых его говоров, где в безударном слоге «o» произносится так же, как в ударном [14. С. 15].

Для жителей Октябрьского района как пожилого, так и среднего возраста характерно употребление звонкого щелевого заднеязычного [ɣ] на месте «г» взрывного в сильной позиции: *гарбы, бригада, галушки, другий, голову, уютюгы, торжуются, деньги, говорит, троюали, коуда, с оуорода, бауатому*. В слабой позиции происходит позиционная мена [ɣ] на [x]: *денех, плух, сапох*. Фрикативный «г» является преобладающим для украинского языка и его говоров. Он может быть как твердым, так и мягким [Там же. С. 22]. Этот же звук характерен и для южного наречия русского языка [15. С. 194].

В словах с этимологическим «ять» употребляется гласный [и]: *вик, хлиб, мисяц, мисто, хлиба, дитям, вират, замисийшь, обид, дви*. Подобное произношение характерно для украинского языка и некоторых его говоров, где дифтонгический «ять» перешел в «i» [3. С. 113; 16. С. 533]. Употребление [и] наряду с [е] – черта русского северного наречия, хотя [и] на месте «ять» встречается и в определенных словах в некоторых группах южного наречия [13. С. 34, 61].

Отмечается отсутствие перехода [е] в [‘o] в словах *запряжэшь (запряжэшь), возьмэшь (возьмэшь), всэ*

(всё), несэшь (несэшь), испечэтся (испечэтся). Подобное явление – отличительная черта украинского языка [15. С. 195], в том числе и его диалектной системы. Произношение [е] в окончаниях глаголов первого спряжения распространено в говорах южного наречия и встречается в некоторых севернорусских говорах [Там же. С. 41].

В речи информантов фонема /в/ реализуется в звуках [в], [у], [ув] и [ў]. Звуки [у] и [ў] встречаются перед согласным, между согласными: *усих (всех), усими (всеми), ў кучки, у тылу, так учора, прыдумалы йихать ў те кохфэ*. Перед гласными, после гласных перед согласными употребляются [в] и [ув]: *девьяносто, выстоять, травы, ув армию, свинохверма в нас больша была, овечки булы в нас, було в нас*. В украинском языке согласный «в» в начале слова перед согласным, в середине слова после гласного перед согласным, а также в конце слова произносится как звук ў неслоговой [14. С. 23], эта черта присутствует и в украинских говорах [17. С. 45]. В русских говорах звонкая щелевая также может быть представлена звуком [ў] на конце слова и перед согласным, в начале слова перед согласным – [у] [15. С. 59].

Фонетической особенностью говоров обследованных сел Октябрьского района является доминирование твердых согласных перед гласными переднего ряда: *плыты (плиты), возылы, дэсять, ходылы, святылы, молотылы, мэтр, помэр, купыть, полэ, пэклы, пэрэшила, дэнь, у дэрэвне, отэц, рэмонтировали, тры, вэдуть, отэц*. Это явление характерно и для украинского языка [14. С. 17; 18. С. 24]. В русских говорах подобное явление отмечается в вологодских говорах, но при этом перед звуками, выступающими на месте «ять», согласные мягкие, а в некоторых южнорусских говорах, сохраняющих различие «ять» и «е», выступают разные по твердости-мягкости парные согласные [15. С. 73, 74].

На конце слова в исследуемых говорах в некоторых словоформах может не происходить оглушение звонких согласных: *кроў, кров (кровь), мёд качалы, хлеб пекли*. В украинском языке звонкие согласные всегда произносятся звонко: и на конце слова, и перед глухими согласными, глухие же согласные перед звонкими произносятся звонко [19. С. 19]. Это явление может сохраняться и в украинских говорах [3. С. 113]. Отсутствие оглушения звонких согласных на конце слова и перед глухими согласными встречается в русских говорах южной и юго-западной части южного наречия, где оно представляет собой результат влияния украинских говоров [15. С. 71].

На морфологическом уровне проявляются следующие особенности.

Широко употребительны стяженные формы прилагательных, порядковых числительных, местоимений, образованные в результате утраты /j/ в интервокальной позиции: *втора, перва, больша, нефтяна, длинна, старшия, молода, всяка, которы, стара, хороше*. Стяжение форм прилагательных – отличительная черта украинского языка [16. С. 533]. Выпадение [j] в формах глагола и прилагательного фиксируется также в севернорусских говорах [15. С. 69].

В форме родительного падежа множественного числа у существительных проявляется окончание -ив

(-ыв): *сорок рублив, пятьдесят рублив, тракторив мало, холодильникив не было, часыв не было тади, з родственникив, каких прибауткив было; салатив не было*. Такое окончание характерно для существительных второго склонения мужского рода с нулевым окончанием в украинском языке [19. С. 103] и его говорах [3. С. 121].

Местоимение третьего лица единственного числа мужского рода в обследованных говорах употребляется в двух формах – *он* и *вин*: *вин семь годов; вин всех перебирает; вин хрестик носит; вин с восемнадцатого; вин мужчина, вин в руках дэржэт, вин вэдэ этого, он отслужил; он косят; приехал он раненый*. В украинском языке и его говорах местоимение *он* – *він* [3. С. 35; 14. С. 18]. Личное местоимение *я* в обследованных говорах имеет формы: родительного падежа – *у менэ, у мэна, у мэнэ, у мене*; дательного падежа – *мене, мнэ*; винительного падежа – *мэни, мэнэ, меня*. Для украинского языка характерны формы: родительного падежа (Р.в.) – *мэнэ*, дательного падежа (Д.в.) – *мэни*, винительного падежа (Зв.в.) – *мэнэ* [19. С. 123]. Для южного наречия русского языка характерны формы родительного, винительного падежей единственного числа – *мене*, дательного, предложного – *мне* (реже *мене*) [13. С. 37].

Глаголы в форме третьего лица единственного и множественного числа в анализируемых говорах имеют на конце [тʲ]: *визуть в полэ, заберуть, качають, тянуть коровы, гоняють, будуть, уедуть, наряжают, выкупають, поють дружки, кидають, дружки спивають, он собьёт, дружка сыдить, любой запоёт, сыдить боярин, упадёт, пропадёт*. Глаголы третьего лица единственного числа могут оканчиваться на гласный -э (-е): *она сидае, она прядэ, идэ боярин, прыгаэ кот, лежит и дергаэ ручкой, придэ в себе, она живэ, отец уйдэ, земляника там расте*. Для украинского языка характерны окончания глаголов в форме третьего лица единственного числа – *-е, -є, -ить, -іть*, множественного числа – *-уть, -ють, -ать, -ять* [19. С. 129]. Конечный мягкий -ть сохраняется и в некоторых украинских говорах [3. С. 113]. Конечный [тʲ] встречается в формах третьего лица глаголов и в южном наречии русского языка.

Глагол *быть* в прошедшем времени наряду с *был, была, было, были* имеет формы *був, быў, була, було, булы*: *рубэль був, ув моде быў, було интересно, було в нас, у нас було не так як час, булы уютюи, булы таки, колхоз же тади бул, овечки булы, бригада була, було як гуляют, мёрзлы булы*. В украинском языке формы глагола *бути* – *був, була, було, були* [14. С. 114].

Частотно употребление предлога «з» на месте «с» в конструкциях с творительным, родительным падежами: *з матерью, з ячком, з конопля, з вечера, з огурцами, з Украины, з вас, з нашим, з моим, з брата, зь его, з невесты, Андрий з Настею*. Это особенность украинского языка. Здесь предлог «з» употребляется с родительным, винительным, творительным падежами [20. С. 185]. В русских говорах конструкции с «з» распространены в говорах Смоленской и Брянской областей, на территориях, прилегающих к Украине и Белоруссии, в говорах южного наречия [15. С. 129].

К морфологическим особенностям говоров обследованных сел Октябрьского района можно отнести

употребление разделительного союза «чи» в значении «или»: *чи куфайка, чи еще что-то; до старого чи нового было года; чи хорошие, чи поуаные; чи тачки, чи дрожка*. В украинском языке союз «чи» является общенародным элементом. В русских говорах он встречается на территориях пограничных с Украиной [Там же. С. 142]. Предлог «до» употребляется на месте предлога «к» с родительным падежом: *перешла тади до матери; до менэ прийдэ; несёт до моего дедушки; приедуть туда, до молотилки; до сына, до инженера послала; повэзлы до жениха*. В украинском языке предлог «до» указывает на направление движения (напр., *підійти до вікна, під'їхати до міста*) [21. С. 168].

Отличительная особенность речи жителей обследованных сел Октябрьского района – широкое употребление украинской лексики, которая сохраняется как в разговорно-бытовом обиходе, так и в фольклоре: *викно, горыце, жинка, зозуля, казати, маты (мать), морква, нема, пхати, робити, спивать, граты (играть), тоди, трошки и т.д.* Однако украинские слова могут употребляться в нескольких вариантах: *кукушка – зозуля и зузуля*, тогда – *тоди и тади*. В употреблении некоторых форм проявляется влияние русского языка: *спивать* вместо *спивати* (укр. *співати*); *хрест* вместо *хрѣст* (укр. *хрест*) и т.д. Кроме того, украинские и русские лексемы могут употребляться как синонимы, взаимозаменяя друг друга: *жинка – жена, дом – хата, зозуля – кукушка* и т.д.

Нами рассмотрены характерные для говоров сел Октябрьского района диалектные черты. Многие из них совпадают с фонетическими, морфологическими и лексическими особенностями украинского языка и его говоров. Среди них встречаются и такие, которые совпадают с диалектными чертами русских говоров, в основном граничащих с украинскими диалектами. Однако, как показывает сравнительный анализ, данные особенности не представляют собой систему, характерную для определенной группы говоров или конкретного наречия русского языка. Полностью в системном виде они оказались представленными только в украинском языке и его говорах. Это позволяет утверждать, что говоры обследованных сел являются украинскими по происхождению, хотя и испытывавшими влияние русских говоров, в контакте с которыми они находились на протяжении всего XX в., и русского литературного языка. Это подтверждают и внеязыковые факторы: место рождения информантов или их родителей (Украина), национальное самоопределение информантов (*хохол*), показатели языкового сознания (*по-холовски говорят*). Большинство информантов, потомков украинцев, были вывезены из Украины в детском или подростковом возрасте, другие родились уже в Амурской области. Многие из них хоть и обучались в русской школе (в основном 3–4 класса), где изучали русский литературный язык, дома перенимали от родителей украинский: *«Я по-русскому очень плохо понимал, потому что и не русский, не украинец. Такой вот. У мэне не получалось. Правила расскажу, напишу как положено. А писать начинал – что-то ошибок много у менэ»; «А так то наши жили на Украине, там же по-украински. Ну, вот приехали, и мы же родились, дети. Родители так и мы так разговаривали. А уже внуки все по-русски разговаривают»* [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранникова Л.И. О некоторых особенностях развития диалектов на территории позднего заселения // Язык и общество. 1967. Вып. 1. С. 16–35.
2. Фоноархив лаборатории региональной лингвистики АмГУ.
3. Матвійс І.Г. Українська мова і її говори. АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні. К. : Наук. думка, 1990. 168 с.
4. Блохинская А.В. Речевые портреты // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 9: Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе. Благовещенск : АмГУ, 2011. С. 65–79.
5. Блохинская А.В. Особенности русско-украинского взаимодействия в речи потомков украинских переселенцев // Языковые реалии: региональные особенности : материалы межвуз. науч. конф., приуроченной к 210-й годовщине со дня рождения В.И. Даля. Хабаровск : Изд-во Дальневост. гос. гуманитар. ун-та, 2011. С. 5–10.
6. Словарь русских говоров Приамурья. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. 544 с.
7. Оглезнева Е.А. К вопросу об устойчивости диалектных систем в современных условиях // Филология. Сборник работ преподавателей и аспирантов АмГУ и Пекинского университета. Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2002. Вып. 2. С. 31–32.
8. Оглезнева Е.А. Социально-речевой портрет диалектоносителя (на материале речи М.В. Хлыстова, жителя с. Черновка Свободненского района Амурской области) // Народное слово Приамурья : сб. ст., посвящ. 20-летию публикации «Словаря русских говоров Приамурья». Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2004.
9. Оглезнева Е.А. Языковая ситуация в Дальневосточном регионе России: динамика славянской составляющей // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 33–38.
10. Архипова Н.Г., Филина А. Об особенностях языка фольклора в условиях говоров переходного типа (на материале лирических песен, записанных в Приамурье // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Амурское старообрядчество: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора. Благовещенск : АмГУ, 2006. Вып. 4. С. 40–43.
11. Архипова Н.Г. Восточнославянское взаимодействие в лексике старообрядческих говоров Амурской области // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах : материалы научных экспедиций. Вып. 9: Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе. Благовещенск : АмГУ, 2011. С. 34–41.
12. Архипова Н.Г., Оглезнева Е.А., Старыгина Г.М. Современные говоры Приамурья и фольклор: из опыта полевых наблюдений // Народное слово Приамурья : сб. ст., посвящ. 20-летию публикации «Словаря русских говоров Приамурья». Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2004. С. 101–112.
13. Пишеничнова Н.Н. Лингвистическая география (по материалам русских говоров). М. : Азбуковник, 2008. 220 с.
14. Лесная Г.М. Учебник украинского языка. Уровень А1. М. : МГИМО–Университет, 2010. 120 с.
15. Русская диалектология / С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, К.Ф. Захарова и др. ; под ред. Л.Л. Касаткина. М. : Просвещение, 1989. 224 с.
16. Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М. : Большая Рос. энцикл., 1998. 687 с.
17. Словник буковинських говірок. Чернівці : Рута, 2005. 688 с.
18. Дзендзелівський Й.О. Конспект лекцій з курсу української діалектології. Ужгород, 1966.
19. Юцик І.П. Практикум з правопису української мови. К. : Освіта, 2000. 254 с.
20. Українсько-російський словник. Київ : Довіра, 2003. 703 с.
21. Перебийнос В.И., Бобкова Т.В. Русско-украинский словарь. Москва : Астрель: АСТ ; Владимир : ВКТ, 2009. 607 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 октября 2012 г.